

АГРАРНЫЙ СЕКТОР СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

С.Ю. БАРСУКОВА

Аграрная политика России

В статье рассматривается эволюция государственной аграрной политики в контексте сменившего общего политического курса от радикально-либерального 1990-х гг. до государственного патронажа и активной поддержки аграрной сферы в настоящее время. В качестве ее этапов рассмотрены приватизация земель и создание фермерства, приоритетный национальный проект “Развитие АПК”, принятие Доктрины продовольственной безопасности, вступление РФ в ВТО, импортозамещение как ответ на санкции Запада. Делается вывод о непоследовательности аграрной политики вследствие сильной привязки к политическому контексту, определяемому как внешнеполитическими коллизиями, так и трансформацией внутренней модели развития.

Ключевые слова: аграрная политика, импортозамещение, продовольственные рынки.

Пожалуй, никогда прежде за весь постсоветский период аграрная политика России не привлекала столько внимания. Встав на путь импортозамещения, страна взялась за решение сложной задачи – обеспечить население страны преимущественно отечественным продовольствием. Однако аграрный сектор – весьма инерционный сегмент и успехи в нем являются результатом долговременных и поступательных усилий. Насколько же последовательны эти усилия и не перечеркиваются ли они последующими шагами?

Аграрная реформа 1990-х годов: “полуприватизация” земли и попытка создания фермерства

Аграрная политика в советский период носила характер, который кажется абсурдным с экономической точки зрения: центр выделял ресурсы независимо от результатов деятельности, убытки совхозов и колхозов регулярно списывались, а централизованное изъятие аграрной продукции лишало стимулов развития. В результате аграрный сектор демонстрировал низкую эффективность и рекордно малую производительность труда. Однако такая модель была единственной возможной в рамках социалистической экономической доктрины, суть которой состояла в готовности жертвовать экономической эффективностью во имя социального прогресса, понимаемого

Барсукова Светлана Юрьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии, заместитель заведующего лабораторией экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: svbars@maik.ru

как равенство. Извращенная экономическая политика в аграрном секторе позволяла удерживать низкие цены на продовольствие и гарантировать рабочие места для сельского населения, что было предметом гордости и победным аргументом в годы “холодной войны”. То есть во главе угла аграрной политики стояла политическая целесообразность.

Смена политического курса, начавшаяся с перестройки М. Горбачева и форсированная при Б. Ельцине, означала конец прежней аграрной политики. Либеральный проект начала 1990-х гг. требовал внедрения рыночных принципов в сельское хозяйство. Важнейшими элементами формирования рыночного сельского хозяйства стали приватизация сельскохозяйственных земель и создание фермерских хозяйств. И в этом проявлялась не только решимость, но и наивность реформаторов с их весьма схематичным представлением о рынке.

Приватизация земель мыслилась как необходимый элемент реформ, несмотря на то что зарубежный опыт свидетельствовал о возможности развитого рыночного сельского хозяйства при отсутствии частной собственности на землю (пример Великобритании). В России приватизация земель началась с принятия в 1990 г. Закона РСФСР “О Земельной реформе”. Это привело к множеству не решенных и по сей день проблем. Первоначальный вариант приватизации предполагал создание *фонда перераспределения земель* (10% земель колхозов и совхозов), из которого выделялись бы земли бывшим колхозникам, пожелавшим стать фермерами. Однако быстро выяснилось, что подавляющее большинство бывших колхозников не хотят или не способны становиться фермерами. Из-за этого сохранялась угроза возврата к социалистическим формам землевладения, что либеральными реформаторами в качестве допустимого варианта в принципе не рассматривалось. Реагируя на эту угрозу, Ельцин в конце 1991 г. подписал Указ № 323 “О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР”, суть которого состояла в быстром, однократном разделе земли между новыми собственниками. Так был запущен сценарий авральной земельной приватизации. Межевание, постановка на учет миллионов новых земельных участков были технически нереализуемы. Поэтому было принято решение о введении института *земельных долей*, оформляемых специальным свидетельством. Получение “сертификата на землю”, но не самой земли, дало основание считать такой сценарий “полуприватизацией” [Виссер, Мамонова, Сноор 2012, с. 77]. Забегая вперед, скажу, что и сегодня около 9 млн земельных долей, занимающих примерно 90 млн га, не выделены “в натуре” и находятся в “общей долевой собственности”¹, что приводит к массе проблем и путанице в землепользовании [Фадеева 2009].

Создание класса фермеров следует той же логике форсированной реализации наивных замыслов. Бывшие колхозники в основной массе не захотели стать фермерами, хозяйствовать на свой страх и риск, платить налоги, предпочитая оставаться наемными работниками сельскохозяйственного предприятия и получать зарплату. Но при массированной пропаганде и насилиственном упразднении колхозов и совхозов фермерство стало все же набирать обороты. Хотя быстро выяснилось, что фермерство неспособно сохранить того объема товарного производства продовольствия, которое раньше обеспечивали колхозы и совхозы. Доля фермеров в продукции сельского хозяйства, стартовав в 1992 г. с 1,1%, достигла к 2000 г. лишь 3,2% [Российский... 2015, с. 393].

Миф об эффективном собственнике, который появится автоматически при условии наделения землей и рыночными свободами, апеллировал к опыту личных подсобных хозяйств (ЛПХ) советских сельских жителей. К моменту раз渲ала СССР в 1990 г. именно ими создавалась четверть сельскохозяйственной продукции. Идеологии перестройки превозносили эти успехи как свидетельство победы частной инициативы и свободного труда “на себя”. Принципиальная ошибка таких рассуждений

¹ См. “Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения РФ в 2014 г.” (http://www.mcx.ru/documents/document/v7_show/34347.133.htm).

Таблица

**Продукция сельского хозяйства России по категориям хозяйств
и по отдельным продуктам в 1990–2014 гг.**

	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2014 г.
Продукция сельского хозяйства по категориям хозяйства, в %				
Сельскохозяйственные организации	73,7	45,2	44,5	49,5
Личные подсобные хозяйства	26,3	51,6	48,3	40,5
Крестьянские (фермерские) хозяйства	—	3,2	7,2	10,0
Производство основных аграрных продуктов				
Производство мяса скота и птицы (тыс.т)	10 111,6	4445,8	7166,8	9070,3
Производство молока (тыс.т)	55 715,3	32 259,0	31 847,3	30 790,9
Валовый сбор зерна (млн т)	116,7	65,5	61,0	105,3

состояла в непонимании *симбиотической природы* общественных и личных хозяйств в СССР. Ресурсы, централизованно выделяемые колхозам и совхозам, перетекали в ЛПХ и обеспечивали их развитие [Никулин 1998]. Лишившись “донора” в лице общественных хозяйств, личные хозяйства перестали быть примером экономического чуда. Фермеры массово разорялись или сводили деятельность к самообеспечению своей семьи. Их товарность (доля продаж от общего объема производства) была существенно ниже, чем у сельскохозяйственных организаций. Началось катастрофическое падение аграрного производства: в 2000 г. объем продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах составил 62,8% к уровню 1990 г. Численность крупного рогатого скота (КРС) за 1990–2000 гг. сократилась с 57,0 до 27,5 млн голов (для сравнения: в 1942 г. было 18,8 млн голов КРС) [Сельское... 2015, с. 92] (см. табл.).

Регресс аграрного производства компенсировался импортом продовольствия, практически беспошлинным и бесквотным. В 1990-е гг. Россия стала первым экспортным рынком мяса для Соединенных Штатов Америки. В 1997 г. импорт продовольствия в Россию достиг 13,3 млрд долл. США, что более чем в восемь раз превышало продовольственный экспорт страны (1,6 млрд долл.). В общей структуре импорта РФ продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье составили 25,1%, а в структуре экспорта – 1,9% [Российский... 2003, с. 638, 639].

Таким образом, аграрная реформа 1990-х гг., риторически обоснованная экономической целесообразностью, оказалась данью политическому замыслу реформаторов, пытавшихся любой ценой воплотить либеральный проект. “Рывок в рынок” стал трагедией для сельского хозяйства России [Нефедова 2003; Абалкин 2009]. Не случайно в народе реформаторов называли “большевиками наоборот”, подчеркивая одержимость идеей в ущерб здравому смыслу. По иронии судьбы борьба с социализмом продолжила советскую логику принесения экономики в жертву политическому проекту.

Аграрная политика в 2000-е годы: возвращение государства

Разочарование итогами “самоорганизации” рынка, растущая зависимость от импорта продовольствия и деградация сельского хозяйства вызвали усиление государственного регулирования в 2000-е гг. Политика В. Путина, поддерживаемая населением, уставшим от потрясений 1990-х гг., сводилась к постепенному усилиению роли государства в экономике как способу “навести порядок” в стране. Это вызвало корректировку аграрной политики, важнейшими элементами которой были введение таможенных квот на импорт продовольствия и Приоритетный национальный проект “Развитие АПК” (2006–2007 гг.).

Внимание государства к сельскому хозяйству в 2000-е гг. начинает расти по двум причинам. Первая – опека сельского хозяйства приносila власти поли-

тические дивиденды, демонстрируя ее “народный характер” и стремление вернуться “к истокам” в духе национал-консервативных ценностей. Вторая – обрушение курса рубля в ходе дефолта 1998 г. Значимость этого события для сельского хозяйства трудно переоценить. Резко подорожало импортное продовольствие, что создало стимулы для инвестиций в отечественное сельское хозяйство. Соответственно, возросла активность аграрного лобби, ратующего за защиту продовольственного рынка от импорта. Эффект дефолта постепенно сходил на нет и нужно было изыскивать административные возможности для защиты своих инвестиций.

Однако власть продолжала по инерции фрагментарно реализовывать либеральный проект, в частности, вела борьбу за членство в ВТО. (Напомню, что в 2006 г. удалось договориться по этому вопросу с США.) Сложилось противостояние двух сил: аграрного лобби, ратующего за протекционистские меры и поддерживаемого Минсельхозом, и либерально настроенного экономического блока правительства в лице Минэкономразвития и Минфина. Одни апеллировали к патриотизму и самообеспечению продовольствием, другие – к идеи свободного рынка и международному разделению труда.

Победой аграрного лобби можно считать *введение тарифных квот* на импорт ряда продовольственных товаров. Так, впервые в новейшей истории России в 2003 г. вводятся тарифные квоты на импорт мяса из стран дальнего зарубежья в противовес прежней политике “открытых дверей”; на мясо птицы вводится абсолютное квотирование (ввоз сверх квоты запрещен). Однако, держа курс на ВТО, Россия взяла на себя обязательства в течение 2003–2008 гг. ежегодно увеличивать тарифные квоты на мясо и снижать сверхквотные тарифы, а на мясо птицы с 2006 г. перейти на тарифные квоты. Что и было сделано.

Импорт мяса был организован по “страновому принципу”, что означало жесткую фиксацию объемов квотированного импорта между странами-экспортерами. Импортеры боролись за отмену “страновой” составляющей квот, чтобы покупать там, где дешевле, а не там, где положено. Отмена “страницового” принципа могла бы снизить рыночные цены на продовольствие. Однако под грифом “политической необходимости” власти сохраняли “страновую” разверстку квот, давая понять, что разделение квот между странами – это вопрос не только наполнения рынка и формирования цены, но и политических отношений с той или иной страной.

Тренд на увеличение тарифных квот на мясо был сломлен в 2009 г., что связано с реализацией Национального проекта “Развитие АПК” (2006–2007 гг.), имеющего животноводческую направленность. Кроме собственно экономического смысла, проект имел явную политическую составляющую. Приближающиеся выборы в Государственную думу и смена президента (готовилось возвращение В. Путина) диктовали тактику “подтягивания тылов”, то есть относительного улучшения в самых неблагоприятных сферах, непосредственно связанных со значительной частью избирателей. В этом ряду сельское хозяйство играло особую роль.

На национальный проект “Развитие АПК” из государственного бюджета первоначально выделялось 35 млрд руб., затем сумма поднялась до 47 млрд руб. плюс со-финансирование из региональных бюджетов. Проект носил рыночный характер: в его рамках не было предусмотрено каких-либо дотаций, безвозмездных траншей аграриям. Главным инструментом поддержки сельского хозяйства объявлялось субсидированное кредитование. Это означало, что аграрии могут брать кредиты в любом коммерческом банке страны, а затем получать от государства частичное возмещение выплаченных банку процентов. То есть деньги, выделяемые по Национальному проекту, уходили в значительной мере в финансовый сектор, а аграрии получали доступ к дешевым кредитам. Кредит, взятый под 14% годовых, обходился аграриям в 3–4%. Фермеры и ЛПХ имели возможность воспользоваться субсидированными кредитами при любой продуктовой специализации, а сельхозорганизации получали такие кредиты только на строительство и модернизацию животноводческих комплексов.

Последнее обстоятельство многое говорит о характере реформ. Экономическая целесообразность поддержки ЛПХ была крайне сомнительна. Это была мера более социального, нежели экономического характера. Либерально настроенные экономисты активно выступали против поддержки ЛПХ, считая, что надо сконцентрироваться на передовых формах хозяйствования, не “размазывать” помочь на всех. Однако внутренняя политика страны все явственнее разворачивалась в сторону националь-консерватизма, патернализма в отношении к населению, фольклоризации идеологии. Бабушка с коровой стала объектом государственной поддержки, что визуализировалось, например, в рекламном ролике молочного бренда “Домик в деревне”.

Поддержка животноводства также была симптоматична. Альтернативной идеей выступала поддержка растениеводства, куда входили самые перспективные с точки зрения экспорта отрасли – производство зерна, сои, масличных культур. Россия вышла на мировой зерновой рынок в 2002 г. и год от года наращивала там свое присутствие. Экспортеры зерна надеялись стать фаворитами аграрной политики государства, предъявляя в качестве оснований свои безусловные достижения. Однако в рамках Нацпроекта они не получили ничего. Безусловную победу одержало лобби животноводов, акцентирующих факт зависимости страны от импорта как недопустимый.

И последний урок, преподанный Нацпроектом, состоял в победе бюрократии, патронирующей рынок, что укладывалось в общий вектор российских перемен. Крупные субсидированные кредиты выдавались только при поддержке региональной администрации, которая удостоверяла целесообразность проекта для развития экономики региона. При недостаточности залога региональные власти выступали гарантами перед банками за счет созданных ими гарантийных фондов. Остальные заемщики, не поддержанные региональной властью, могли получить кредит в банке лишь на общих основаниях, без субсидирования процентной ставки. Близость к власти стала основным фактором экономических возможностей.

В это трудно поверить, но на сайте Минсельхоза еженедельно, как сводки с фронта, обновлялись рейтинги регионов по успешности реализации Нацпроекта. Часто в лидерах оказывалась Якутия, где олени спасали статистику. Завершение проекта было обрамлено победными реляциями: все контрольно-целевые показатели оказались выполненными, а абсолютное большинство – перевыполнено. Перевыполненными были “бумажные” показатели типа числа созданных кооперативов, которые после завершения Нацпроекта благополучно самораспустились. Но при всей гротесковой схожести с советскими отчетами, Нацпроект “Развитие АПК” имел реальное весомое значение: в животноводстве стартовали многочисленные инвестиционные проекты. Стали всерьез задумываться о том, что сельское хозяйство может рассматриваться как прибыльный бизнес. За период 2005–2010 гг. инвестиции в основной капитал в сельском хозяйстве возросли почти в три раза, с 79 до 202 млрд руб. (в фактических ценах). Как результат, за этот период производство скота и птицы в убойном весе выросло почти в полтора раза (с 5,0 до 7,2 млн т). Но глубина падения была такова, что уровня 1990 г. (10,1 млн т в убойном весе) не удалось достичь по сей день. Правда, не веря, что поддержка животноводства – всерьез и надолго, бизнес играл с государством только на “коротком поводке”, предпочитая быстро окупаемые проекты. Инвесторы занялись исключительно “скороспелым” мясом – курятиной (в 2005–2010 гг. доля импорта по мясу птицы в товарных ресурсах российского рынка сократилась с 47 до 18%) и свининой, где срок окупаемости позволял вписаться в политическую конъюнктуру, и крайне осторожно шли в сфере производства говядины [Сельское... 2015].

Российская специфика трактовки продовольственной безопасности (2010 г.)

Успехи аграрной экономики и усиление крена в сторону национал-консервативного проекта подготовили почву для подписания президентом Д. Медведевым в 2010 г. Доктрины продовольственной безопасности². Чтобы оценить значимость этого шага, нужно вспомнить историю вопроса.

Еще в 1990-е гг. коммунистическая оппозиция неоднократно выступала за принятие подобного федерального закона. Однако даже достаточно левая по составу Государственная дума не приняла предложение коммунистов из-за неоднозначности базового понятия. Либеральная трактовка, восходящая к резолюциям ФАО (Food Agricultural Organization) и международным традициям, ассоциировала безопасность с *доступностью продовольствия* для населения в количестве и качестве, необходимом для активного и здорового образа жизни. Такой подход акцентировал ценовую доступность импортного продовольствия и аргументировался заботой о потребителях, что соответствовало интересам импортеров и местных чиновников, напуганных перспективой “голодных бунтов”. Эту позицию поддерживали эксперты международных организаций, консультирующие российское правительство. Протекционистская политика, напротив, ассоциировала продовольственную безопасность с *самообеспечением*, с продовольственной *независимостью* страны. Это видение совпадало с интересами отечественных аграриев, призывающих увеличить государственную поддержку и защитить внутренний продовольственный рынок от импорта. Именно эту трактовку продвигали коммунисты. В Государственной думе хорошо понимали, что даже если такой закон будет принят, на него наложит вето президент Ельцин.

Приход Путина дал надежду политическим силам, именующими себя “государственниками”, провести закон о продовольственной безопасности. Однако эти попытки ничем не закончились: Путин в период первого хождения во власть склонялся к либеральному сценарию развития страны, хоть и с явным имперским уклоном, тогда как тема продовольственной безопасности была визитной карточкой коммунистической оппозиции. Но по мере улучшения ситуации в АПК и роста патриотизма населения привлечение внимания к продовольственному рынку стало приносить политические дивиденды правящей эlite. Кроме того, готовясь уступить место Путину, Медведев пытался расширить список важных дел, связанных с его правлением. Продовольственная безопасность обещала стать удачным слагаемым политического имиджа.

В итоге в январе 2010 г. указом президента Медведева принимается Доктрина продовольственной безопасности, имеющая не столько практическое, сколько символическое значение. Впервые на президентском уровне было артикулировано, что импорт основных продуктов питания угрожает национальной безопасности страны. Россия резко отклонилась от глобалистского дискурса, увязав продовольственную безопасность с независимостью от импорта, взяв курс на самообеспечение основными продуктами питания [Wegren 2010].

Согласно Доктрине, к 2020 г. доля отечественного продовольствия в товарных ресурсах внутреннего рынка должна составлять: зерно – 95%, сахар – 80%, растительное масло – 80%, мясо и мясопродукты – 85%, молоко и молокопродукты – 90%, рыбная продукция – 80%, картофель – 95%, соль пищевая – 85%. Этим содержание Доктрины не исчерпывалось, в ней говорилось о качестве продовольствия, о его физической и экономической доступности для населения. Но реальные следствия для аграрной политики имели именно контрольно-целевые показатели самообеспечения рынка.

Популяризация идей Доктрины в общественном мнении была положена на простую схему: есть страны, которые экспортируют продовольствие, а есть

² См. Указ Президента РФ “Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации” от 1 февраля 2010 г. (http://state.kremlin.ru/security_council/6752).

страны-импортеры. Россия должна сойти с “иглы импорта” и в перспективе перейти в разряд экспортёров. Подавляющее большинство россиян не знают, что мир не живет по таким упрощенным схемам. Например, США – не только крупнейший экспортёр сельскохозяйственной продукции, но и крупнейший импортёр продовольствия, причем по одним и тем же товарным позициям. Эксперты пытались объяснить необходимость измерения продовольственной независимости не как доли импорта в товарных ресурсах внутреннего рынка (что записано в Доктрине), а как отношение объемов производства к личному и производственному потреблению внутри страны, то есть с учетом экспортной составляющей. При таком подходе ситуация в России отнюдь не алармистская [Шагайда, Узун 2015]. Но эти рассуждения остались достоянием узкого круга специалистов. В общественном мнении прочно утвердилась простая схема: много импорта на полках магазинов – однозначно плохо.

Поскольку победить импорт продовольствия с помощью ценовой конкуренции проблематично, тем более при “сильном” рубле, ограничение импорта достигалось непрозрачными мерами. Во-первых, развернулась пропаганда отечественных продуктов питания как экологически чистых в отличие от “грязных” импортных, что накладывалось на общий рост патриотических настроений. Верить в то, что наше мясо лучше импортного россиянам неизмеримо легче, чем верить в преимущества отечественных автомобилей или компьютеров. Во-вторых, заработал маxовик защиты рынка на основе претензий к качеству импортных продуктов силами разнообразных ведомств – таможни, Роспотребнадзора, Россельхознадзора и др. Яркий пример подобной защиты рынка – запрет на импорт американской курятины с 1 января 2010 г. Формальный повод – запрет на обработку мяса хлором (что, кстати, практиковалось на советских птицефабриках). Пока в стране была нехватка отечественной курятины, с хлором мирились. Но в результате Нацпроекта “Развитие АПК” резко выросли мощности российского птицепрома, и дешевая американская курятina стала мешать. Восемь месяцев Россия держала оборону, пока американцы, исчерпав все меры давления, не поменяли технологию, отказавшись от хлора.

Старания оградить страну от некачественного импорта крепли при возникновении политической напряженности со страной-экспортёром. Например, резкие высказывания польских политиков в адрес РФ повлекли за собой остановку импорта ряда продуктов из Польши по санитарно-эпидемиологическим основаниям. Разногласия с А. Лукашенко вылились в “молочные войны”, когда сотни наименований молочных продуктов из Белоруссии запретили для ввоза в Россию. Связь между претензиями к качеству продуктов и политическим диалогом со страной-экспортёром официально отрицалась, но была столь очевидной, что даже обыватели понимали природу таких событий.

На таком фоне и обывателям, и бизнесу казалось, что вопрос о вступлении России в ВТО снят с повестки дня. Эта уверенность окрепла, когда Путин оценил слабую интеграцию России в мировую экономику как спасение от мирового финансово-гo кризиса 2008–2009 гг. В феврале 2009 г. на встрече с председателем Еврокомиссии Ж. М. Баррозу В. Путин сказал фразу, ставшую крылатой в России: “Мы со всей душой пытались вступить в ВТО, но, к счастью, вы нас туда не пустили”. Аграрии, уверовавшие в долговременную протекционистскую защиту, перестали волноваться по этому поводу. Оказалось, что напрасно.

Вступление России в ВТО: реакция аграриев

В 2012 г. либеральные настроения в политике реанимируются. Маятник Кремля вновь качнуло в либеральную сторону. Верховная власть форсирует переговоры по вступлению России в ВТО. И самыми активными противниками этого шага были представители аграрного сектора. (Пожалуй, только экспортёры зерна сохраняли спокойствие, поскольку их интересы не затрагивались членством в ВТО.) Аграрии доказывали, что обязательства, которые берет на себя Россия, вступая в ВТО, несут угрозу

продовольственной безопасности страны. Представители аграрного бизнеса формировали мнение об *альтернативности выбора*: либо ВТО, либо продовольственная безопасность России. И действительно, прежняя Государственная программа развития сельского хозяйства на 2013–2020 гг., нацеленная на достижение контрольно-целевых показателей Доктрины, была отправлена на доработку с учетом обязательств, которые принимала на себя Россия как член ВТО.

Сопротивление, которое оказали аграрии, было серьезным. Аграрии видели угрозу в грядущем снижении импортных пошлин, в сокращении господдержки сельхозпроизводителей, в ограничении возможностей использовать отечественные фитосанитарные нормы для запрета импорта продовольствия [Барсукова 2013]. Вступление в ВТО трактовалось как национальное предательство, которое приведет к развалу отечественного аграрного бизнеса и ударит по здоровью нации. Публичный протест возглавили представители аграрного машиностроения, которые стали лидерами движения “Стоп-ВТО” (<http://stop-vto.ru/>), создали аналитический центр “ВТО-Информ”, отвечающий за “патриотическую экспертизу” вступления в ВТО (www.wto-inform.ru). Даже пытались вынести вопрос о присоединении к ВТО на всенародный референдум, в чем им было отказано ЦИКом. Эта группа брала на себя роль защитников экономических интересов страны, а не только своей отрасли.

Предельно упрощая ситуацию, можно утверждать: сторонники членства РФ в ВТО в своей аргументации *не вспоминали про продовольственную безопасность*, считая ее до-садным отклонением от либерального курса, а противники вступления в ВТО, наоборот, *акцентировали на ней внимание*, подчеркивали, что она ставится под удар членством России в ВТО. И эта позиция находила отклик в народе: по данным ВЦИОМ, летом 2012 г. сторонников данного шага было немногим больше, чем противников,— 30 и 25%, соответственно. Десять лет назад, на пике либеральных настроений, больше половины населения (56%) поддерживали присоединение к ВТО и только 17% были против [Исследование... 2012].

Впрочем, не все представители аграрного бизнеса примкнули к группе протестующих. Значительная часть аграрных бизнесменов выбрала стратегию кулаарных переговоров с властью по поводу конкретных условий, предусмотренных для той или иной отрасли. То есть многие аграрные бизнес-ассоциации предпочли отраслевой лоббизм, а не публичные атаки на членство в ВТО. Позиционируя себя как “конструктивных критиков”, они заняли позицию: “Протекционизм как принцип – плохо, но наш случай – исключение из правил”. Однако власть жестко и решительно пресекла отраслевой лоббизм аграриев, дав понять, что курс на международную интеграцию не подлежит обсуждению. Аграрии оказались в роли пешки, которой пожертвовали в сложной политической игре. Например, свиноводы, бывшие фавориты Национального проекта “Развитие АПК”, снискавшие лавры агродрайверов, были поставлены перед фактом: пошлина на импорт свиней в живом весе сократилась в восемь раз (с 40% до 5%), а импорт замороженной свинины в рамках квоты стал беспошлинным. Родилась шутка, что со свиноводами поступили по-свински. Аграрии посчитали это предательством, поскольку экономическая политика последних лет явно благоволила к ним.

Резкий и неожиданный либеральный виток политики Кремля вызвал протест и у законодательной власти. Протокол о вступлении России в ВТО был ратифицирован только благодаря Единой России, все остальные думские партии (Справедливая Россия, Коммунистическая партия Российской Федерации и Либерально-демократическая партия России) почти единогласно проголосовали “против”. В результате 18-летний марафон присоединения РФ к ВТО чуть было не закончился провалом: “за” — 238 голосов, “против” — 209.

Несмотря на протест аграрного лобби, в августе 2012 г. Россия вступает в ВТО. Термин “продовольственная безопасность” становится символом оппозиции и полностью уходит из риторики официальных государственных лиц и провластных политических лидеров. Продовольственная безопасность списывается в архив российской истории как очередной неудачный “ляп” политики Медведева. Но ненадолго.

Импортозамещение как реинкарнация идеи продовольственной безопасности

События на Украине, присоединение Крыма к РФ обернулись экономическими и торговыми санкциями против России со стороны США и стран ЕС. В ответ российское правительство в августе 2014 г. ввело запрет на импорт ряда продовольственных товаров, провозгласив курс на *импортозамещение*. Продовольственная безопасность не просто вернулась в официальный дискурс, но стала центральным направлением внутренней политики России. Аграрии, интересы которых были попраны условиями вступления в ВТО, получили шанс на моральную и материальную сатисфакцию. В очередной раз аграрная политика стала производной от политической ситуации.

Актуализация аграрной политики связана с тремя обстоятельствами. Во-первых, значительное ослабление рубля стало финансовым барьером для импорта продовольствия, в том числе со стороны вполне дружественных для России стран. Во-вторых, сельское хозяйство относится к числу немногих отраслей, где у импортозамещения относительно неплохие шансы ввиду наличия ресурсов (пресная вода, плодородные земли и пр.) и малой эластичности спроса на продовольствие по доходам, то есть люди будут покупать продукты питания даже при снижении доходов в период наступающей рецессии. В-третьих, падение нефтяного рынка актуализировало поиск новой экспортной специализации России. Надежды возлагаются на аграрный сектор. И эти надежды не беспочвенны: экспорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья в структуре экспорта РФ вырос с 1,6% в 2000 г. до 3,8% в 2014 г., достигнув 19 млрд долл., что превысило экспорт вооружения. Россия является “нетто-экспортером” по пшенице, ячменю, кукурузе, маслу подсолнечному, рыбе и пр. За тот же период доля продовольствия и сельхозсырья в структуре импорта сократилась с 21,8 до 13,9% [Российский ... 2015, с. 632, 633].

Импортозамещение на рынке продовольствия пользуется поддержкой значительной части населения: около 70% относятся положительно к запрету на импорт продовольствия из США и стран ЕС [Общественное... 2016, с. 241]. Это кажется парадоксальным, поскольку очевидными следствиями такой политики стали сокращение потребительского выбора, рост цен на продукты питания, снижение их качества. Падение качества обусловлено смещением производства вслед за спросом в нижний ценовой сегмент, а также попытками на прежней ресурсной базе произвести больше продуктов питания, чтобы компенсировать исход импортного продовольствия. Так, в результате нехватки молока в состав около 70% российских сыров были включены растительные жиры, что является грубой фальсификацией продукции. Роспотребнадзор регулярно выявляет подобные нарушения, однако никакие меры не принимаются, поскольку власти понимают, что другого пути для импортозамещения в нынешней ситуации нет.

Поддержка населением курса на импортозамещение восходит к идеологическому климату в стране. Провластные СМИ формируют образ единого, сплоченного народа, готового на лишения во имя защиты национальных интересов; враждебное же окружение оказывается негласным слагаемым такой картины мира. На вопрос “К чему стремятся страны Запада, вводя санкции против России?” подавляющее большинство россиян (около 70%) выбрали ответ “ослабить и унизить Россию” [Общественное... 2016, с. 238]. Издержки, которые ложатся на потребителей, не обсуждаются, поскольку патриотизм подразумевает готовность к жертвам. Аграрное лобби удачно эксплуатирует патриотические настроения россиян, их протест против утери Россией роли великой державы. Это настроение можно назвать ностальгическим реваншизмом. Не случайно распространенным маркетинговым ходом для продвижения массовых продуктов питания в России стала их “советизация”, когда название, упаковка, реклама содержат ссылку к советскому прошлому.

Курс на форсированное импортозамещение в условиях жестких бюджетных ограничений поставил государство перед выбором новых приоритетов аграрной политики. Не получив желаемых результатов от развития фермерства в 1990-е гг., российское

государство сделало ставку на крупные и сверхкрупные компании, обещающие быстрый рост аграрного производства. Аналогии с ситуацией 1998 г. не работают. Тогда обрушение рубля случилось на фоне относительно высокой безработицы и низкой загруженности производственных мощностей, что вызвало позитивную реакцию бизнеса на дефолт. Сейчас в экономике ситуация иная. Нужны крупные инвестиции в сельское хозяйство для его форсированного роста.

Выбор был сделан в пользу гигантских агрохолдингов, которые воспроизводят модель совхозов, но в капиталистическом варианте российских латифундий, где гигантомания сочетается с корпоративной бюрократией и индустриальной дисциплиной. Возникнув на волне кризиса 1998 г., агрохолдинги очень быстро сконцентрировали огромные ресурсы: по данным сельскохозяйственной переписи 2006 г., 0,113% сельскохозяйственных организаций контролировали 81,5% посевных земель, владели 48% крупного рогатого скота, 47% свиней и 63% птицы [Davydova, Franks 2015]. Такая гигантомания объясняется спецификой институциональной среды. Слабая защита контрактного права породила стремление бизнеса быть максимально самодостаточным, что обуславливает колоссальные издержки управления, но дарит относительную независимость от недобросовестных контрагентов и неэффективной арбитражной системы. Интеграция предприятий в горизонтальные и вертикальные структуры стала компенсаторной реакцией на качество институциональной среды.

Чистая прибыль только трех крупнейших агрохолдингов России за 2014 г. (“Мираторг”, “Черкизово”, “Русагро”) составила почти 50 млрд руб³. Государство нацелено на диалог с партнерами такого масштаба, оказывая им существенную поддержку. Став фаворитами аграрной политики, агрохолдинги превратились в сильных и жестких лоббистов, поскольку ситуация на продовольственных рынках крайне чувствительна к положению дел в этих структурах. Кроме того, большая часть таких агрохолдингов сращена с муниципальными и региональными властями, что усиливает эффективность лоббизма. Государство стало заложником собственного выбора, взяв на себя роль “локомотива”, без которого поезд самостоятельно не едет. Не случайно агрохолдинги неформально называют “олигархозами”, что содержит отсылку к олигархам и советским колхозам [Никулин 2010].

Если национальный проект “Развитие АПК” поддерживал фермеров, личные подсобные хозяйства и кооперативы, то сейчас об этом забыто. Фермеры вытеснены на периферию аграрной политики, несмотря на то, что они дают 10% валовой продукции сельского хозяйства. Власть утратила к ним интерес как к агентам экономического роста, сохранив их как субъектов развития сельской местности, не допускающих опустынивания сельских территорий. Между тем мировой опыт свидетельствует, что несмотря на усиливающуюся специализацию производства и увеличение размера фермерского хозяйства, структура собственности в сельском хозяйстве США и странах ЕС сохраняет безоговорочное преобладание семейных фермерских хозяйств. В России же на 1 января 2016 г. осталось лишь 215 тыс. фермеров.

Наряду с фермерами забыты и личные подсобные хозяйства, дающие значительную долю аграрной продукции. Общим местом стала критика ЛПХ как “архаичного” явления, что статистически подтверждается их низкой продуктивностью. Однако по мере углубления кризиса неизбежен рост активности в этом секторе как стратегии выживания. Государство и народ решают проблемы изолированно друг от друга. Массовая практика самообеспечения не имеет публичного языка и лоббистских структур, она скрывает свои масштабы, не ожидая ничего хорошего от внимания властей. Для того чтобы эта деятельность приобрела товарный характер, необходимы институциональные возможности для широкого участия населения в аграрном рынке (коопeração, контрактация с крупным бизнесом и пр.).

³ Рассчитано по (http://milknews.ru/analitika-rinka-moloka/reitingi/krupneishie_agroholdingi_rossii.html?template=115).

Однако многоукладную аграрную экономику возвращать долго и хлопотно. Государство идет по пути не институционального строительства, а “ручного” управления процессами за счет имеющихся бюджетных ресурсов. Упущенное за десятилетие, когда государство находилось в эйфории от высоких нефтяных цен, пытаются наверстать ударными стимулирующими мерами, направленными на крупный аграрный бизнес. Чиновники всех уровней власти хотят успеть отчитаться об успехах сельского хозяйства, пока их не сняли с должности. В этой бюрократической логике ставка на крупные инвестиционные проекты представляется единственно верной. Государство оттачивает умение “договариваться” с ограниченным кругом крупных игроков продовольственного рынка вместо того, чтобы создавать институты конкурентного пространства для массовых производителей.

Заключение, или Тезисы для деполитизированных прагматиков

Основная проблема аграрной политики в постсоветской России состояла в отсутствие единого долговременного плана развития. Изменение политического контекста, периодические колебания вектора реформ в континууме либерального и национал-консервативного проектов непосредственно отражались на аграрной политике, лишая ее устойчивости. Прежние усилия перечеркивались последующими шагами. Массированная поддержка фермерства сменилась его игнорированием в пользу сверхкрупных агрохолдингов, а открытость продовольственного рынка – протекционизмом, что обосновывается в терминах национальной безопасности страны. Изменения на международной арене, неустойчивость внутреннего политического курса, запросы избирательного цикла отражались на аграрной политике, превращая ее во флюгер, вращаемый политическим ветром страны. Аграрное лобби пытается “ловить волну” и эффективно использовать момент, что неизбежно ведет к кратковременным стратегиям, к приоритетности быстроокупаемых проектов. Такой подход противоречит природе аграрного бизнеса – пожалуй, наиболее инерционного в экономике. Краткосрочная мотивация в аграрном секторе ведет к негативным последствиям, в том числе экологическим.

Соответственно, для развития аграрной сферы необходимо обеспечить устойчивость приоритетов и правил игры в аграрной сфере, вернуть аграрную политику в плоскость прагматизма, деполитизировать ее. Важно решиться на долгое институциональное строительство многоукладной аграрной экономики, отказавшись от иллюзий быстрого роста на базе ограниченного числа гигантов, становящихся агрессивными лоббистами и бездонными реципиентами государственной помощи. Дальнейшее развитие агрохолдингов разумно ограничить теми отраслями, где возможно получение “эффекта масштаба”, – в зерновом и масличном производстве, промышленном мясном скотоводстве, птицеводстве, свиноводстве, производстве сырья для биотоплива. Продукция агрохолдингов должна стать основой продовольственного экспорта страны, тогда как местные рынки в значительной степени могут заполняться продукцией фермеров и сельхозорганизаций малого и среднего размера. Поддержка фермеров должна иметь утилитарные основания в контексте разделения труда и относительных преимуществ в разных видах деятельности, что не отрицает фольклоризацию этой темы, но не сводится к ней.

Необходимо укротить атаки аграрных лоббистов, “золотым веком” для которых стала политика импортозамещения. Важно вспомнить уроки экономической истории: протекционизм бывает эффективным только в случае фокусирования на тех направлениях, где есть шансы на мировую конкурентоспособность при начальной протекционистской поддержке. Протекционизм не может быть всеобщим и вечным, а только фокусированным и временным.

Вызванное кризисом сокращение реальных доходов населения должно стать поводом для переструктурирования государственной помощи аграриям. Нынешняя модель, когда львиная доля средств через механизм субсидированного кредитования

достается финансовым структурам, нуждается в изменении. Альтернативный и почти не используемый канал помощи – дотации потребителям на продукты питания как мера стимулирования спроса. При этом нужно скорректировать принципы социальной политики, перейдя от помощи в разрезе социальных групп (всем пенсионерам, всем многодетным семьям и пр.) к адресной, точечной помощи малоимущим семьям. Очевидно, что параллельно должна укрепляться налоговая дисциплина, без чего в малоимущие семьи попадут и те, чьи доходы имеют теневую природу. Введение продовольственных карточек тормозится памятью о советских талонах нормированного обеспечения продовольствием. Необходимо через СМИ разрушить эту ассоциацию, популяризируя опыт развитых стран, успешно использующих разного рода инструменты дотирования бедных семей в приобретении продуктов питания.

Как член ВТО Россия приняла на себя довольно жесткие ограничения на помощь аграрием. Соответственно, в перспективе фокус государственной помощи должен приходиться на меры, которые не относятся к “искажающим рынок” (меры “желтой корзины”). Речь идет о стимулировании аграрного производства через строительство инфраструктурных промышленных объектов (порты, элеваторы и пр.), возрождение научных институтов селекции и генетики, рост качества подготовки специалистов в аграрных учебных заведениях, развитие сельской инфраструктуры, реконструкцию животноводческих комплексов в контексте экологических угроз. Подобные меры не подпадают под ограничения, накладываемые членством в ВТО.

Важно отказаться от дальнейшей эскалации патриотизма как ответа на “происки враждебных стран”. Негативные последствия импортозамещения для потребителей пока не вызывают протеста в силу роста патриотических настроений. Подобная картина мира основана на агрессивной политике СМИ. Однако по мере углубления кризиса и падения реальных доходов исход “дуэли холодильника и телевизора” может измениться: реальные продукты окажутся важнее виртуальных. Эмоциональный перегрев способен вызвать эффект маятника, когда прежняя поддержка власти сменится протестными настроениями, что чревато социальными катаклизмами. Уместно вспомнить, что большевики пришли к власти после исчерпания фазы патриотической экзальтации, связанной с вступлением страны в Первую мировую войну. За счет эскалации патриотизма возможно совершить экономический маневр, но нельзя использовать его как фундамент долговременной аграрной политики.

Наконец, для выработки долговременной аграрной политики необходимо ответить на принципиальный вопрос: какова цель этой политики? Россия хочет стать независимой от внешнего рынка в части обеспечения населения продовольствием, то есть минимизировать импорт продуктов питания? Или она стремится наращивать экспорт продовольствия высокого уровня переработки, решая амбициозную задачу выхода в число ведущих игроков мирового продовольственного рынка? Очевидно, что эти стратегии не взаимоисключающие. Однако это разные стратегии, предлагающие различный дизайн практических действий. Вредно и ошибочно суждение, что можно сначала решить задачу продовольственной автономии, а затем заняться эскалацией экспорта. Переход от одного сценария к другому влечет дополнительные издержки, которых можно избежать, изначально определившись с целями развития. При выборе первого варианта действуется весь комплекс мер по защите отечественных производителей на внутреннем рынке, включая дискrimинацию иностранных компаний в доступе к земельным ресурсам. Полномочия Минсельхоза в этом случае не требуют существенной корректировки.

Второй, экспортно-ориентированный сценарий представляется более перспективным. В этом случае предполагается кардинальная корректировка аграрной политики: стимулирование прямых иностранных инвестиций, развитие рыночных механизмов землепользования, создание научно-образовательных центров для подготовки кадров и научных разработок мирового уровня, в том числе за счет привлечения иностранных специалистов. Технологическое развитие в этом случае ставится во главу угла, независимо от того, отечественного оно или зарубежного происхождения.

Либерализация земельного права в качестве безусловного начального этапа предполагает налаживание работы государственной службы землеустройства как единого центра учета, охраны и развития земельного ресурса РФ. Необходимо завершить постановку всех земель на кадастровый учет, что означает выделение участков на местности и внесение сведений об их границах в государственный кадастровый недвижимости. Нынешняя ситуация, когда 80% сельхозземель не стоит на кадастровом учете, то есть не имеет установленных границ, затрудняет их рыночное обращение. Кроме того, важно приблизить кадастровую оценку участков к их рыночной стоимости. Действующая в РФ методика, утвержденная Минэкономразвитием, исчисляет кадастровую оценку по так называемому “доходному методу” как потенциальную доходность сельхозпроизводства на данной территории на основе качества почвы. Необходимо дополнить эту методику введением ряда факторов, приближающих кадастровую оценку к рыночной стоимости, а именно – наличием инфраструктуры, текущим состоянием земель, конъюнктурой местных рынков. Уточненная методика кадастровой оценки позволит адекватнее исчислять земельный налог в условиях, когда рыночная стоимость земель не может быть определена ввиду отсутствия массовых сделок как ее индикаторов.

Поддержка экспорта потребует создания информационных и консультационных центров, помогающих в поиске рынков сбыта и в сертификации продукции. Государственные преференции должны быть направлены на экспортёров продукции высокого уровня переработки, что позволит создать новые рабочие места в российской экономике. Масштабный выход на мировой рынок продовольствия потребует отмены законодательного запрета на производство ГМО, интенсификацию исследований в области генной инженерии, гармонизацию отечественных фитосанитарных норм с мировыми стандартами. Полномочия Минсельхоза должны быть расширены за счет создания профильных структур поддержки экспорта и интенсификации технологических инноваций. Безусловно, эти меры не могут быть одномоментными. “Открытие” российского рынка следует делать постепенным по мере усиления позиций отечественных производителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абалкин Л.И. (2009) Аграрная трагедия России // Вопросы экономики. № 9. С. 4–14.
- Барсукова С. (2013) Присоединение России к ВТО: неизбежные потери и возможные приобретения для агробизнеса // Вопросы статистики. № 3. С. 76–81.
- Виссер О., Мамонова Н., Споор М. (2012) Инвесторы, мегафермы и “пустующие” земли: крупные земельные сделки в России // Земельная аккумуляция в начале XXI века. Под общ. ред. А.М. Никулина. М.: Издательский дом “Дело” РАНХиГС. С. 66–125.
- Исследование ВЦИОМ: мнения россиян о Всемирной торговой организации (2012) // Центр гуманитарных технологий (<http://gtmarket.ru/news/2012/08/27/4916>).
- Нефедова Т. (2003) Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство.
- Никулин А. (2010) Олигархоз как преемник постколхоза // Экономическая социология. Т. 11. № 1. С. 17–34.
- Никулин А.М. (1998) Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз // Куда идет Россия?.. Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Дело. С. 218–229.
- Общественное мнение – 2015 (2016) М.: Левада-Центр.
- Российский статистический сборник (2003) М.: Госкомстат России (http://www.gks.ru/bgd/regl/b03_13/Main.htm).
- Российский статистический ежегодник (2015) М.: Росстат (http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/year/ejegod-15.pdf).
- Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. Статистический сборник (2015) М.: Росстат (http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/selholz15.pdf).

- Фадеева О. (2009) Земельный вопрос на селе: наступит ли “момент истины”? // Экономическая социология. Т. 10. № 5. С. 50–71.
- Шагайда Н., Узун В. (2015) Продовольственная безопасность: проблемы оценки // Вопросы экономики. № 5. С. 63–78.
- Davydova I., Franks J. (2015) The Rise and Rise of Large Farms: Why Agroholdings Dominate Russia's Agricultural Sector // *Mir Rossii*. № 3. Pp. 133–159.
- Wegren S. (2010) Russia's Food Policies and Foreign Policy // Demokratizatsiya: the Journal of PostSoviet Democratization. Vol. 18. № 3. Pp. 189–207.

Agricultural Policy of Russia

S. BARSUKOVA*

***Barsukova Svetlana** – doctor of sciences (Sociology), professor of the Department of economic sociology, deputy head of Laboratory of the economic and social research at the National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20, Myasnitskaya st., Moscow, 191000, Russian Federation. E-mail: svbars@mail.ru

Abstract

Agriculture policy since the fall of the Soviet Union has arguably never been as important for Russia as today. Having taken the path of import substitution, Russia took on itself a challenge of providing the population with predominantly national production. And yet the agricultural sector is an extremely and notoriously inertial part of the economy. The fundamental problem of Russian agricultural policy is inconsistency and excessive dependence on high politics, as driven by geopolitical collisions and by transformations in Russia's internal development model. This article is a review of the evolution of Russian agricultural policy from the radical-liberalism of the 1990s to state patronage and active support of the agricultural sector today.

Keywords: agricultural policy, import substitution, food markets.

REFERENCES

- Abalkin L. (2009) Agrarnaya tragediya Rossii [Russia's agrarian tragedy]. *Voprosy ekonomiki*, no. 9, pp. 4–14.
- Barsukova S. (2013) Prisoedinenie Rossii k VTO: neizbeshnye poteri i vozmoshnye priobreteniya dlya agrobiznesa [Russia's accession to the WTO: the inevitable loss and possible acquisitions for agribusiness]. *Voprosy statistiki*, no. 3, pp. 76–81.
- Davydova I., Franks J. (2015) The Rise and Rise of Large Farms: Why Agroholdings Dominate Russia's Agricultural Sector. *Mir Rossii*, no. 3, pp. 133–159.
- Fadeeva O. (2009) Zemel'nyi vopros na sele: nastupit li “moment istiny”? [The land question in the countryside: will there be a “moment of truth”?]. *Economic Sociology*, vol. 10, no. 5, pp. 50–71.
- Issledovanie VZIOM: mneniya rossiyan o Vsemirnoi torgovoi organizatsii [Research poll: opinions of Russians about the world trade organization] (2012) Центр гуманитарных технологий (<http://gtmarket.ru/news/2012/08/27/4916>).
- Nefedova T. (2003) *Sel'skaya Rossiya na pereput'e: geograficheskie ocherki* [Rural Russia at the crossroads: Geographical essays]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Nikulin A. (2010) Oligarkhoz kak preemnik postkolkhoza [Oligarchism as the Successor to the Post of the Collective Farm]. *Economic Sociology*, vol. 11, no. 1, pp. 17–34.
- Nikulin A. (1998) Predpriyatiya i sem'i v Rossii: soziokul'turnyi sinbioz [Business and family in Russia: socio-cultural symbiosis]. *Kuda idet Rossiya?.. Transformatsiya sotsial'noi sphery i sotsial'naya politika*. Pod red. T. I. Zaslavskoi [Where does Russia head for? Transformation of the social sphere and social policy. Ed. by T. Zaslavskaya]. Moscow: Delo, pp. 218–229.

- Obshchestvennoe mnenie – 2015* [Public opinion – 2015] (2016) Moscow: Levada-Zentr.
- Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik* [Russian statistical Yearbook] (2015) Moscow: Rosstat (http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/year/ejegod-15.pdf).
- Rossiiskii statisticheskii sbornik* [Russian statistical compilation] (2003) Moscow: Goskomstat Rossii (http://www.gks.ru/bgd/regl/b03_13/Main.htm).
- Sel'skoe hozyaistvo, ohota i ohotniche hozyaistvo v Roossii. Statisticheskiy sbornik [Agriculture, hunting and hunting economy, forestry in Russia. Statistical compendium] (2015) Moscow: Rosstat (http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/selhoz15.pdf).
- Shagaida N., Uzun V. (2015) Prodovol'stvennaya bezopasnost': problem ozenki [Food security: the challenges of evaluation]. *Voprosy ekonomiki*, no. 5, pp. 63–78.
- Visser O., Mamonova N., Spoor M. (2012) Investory, megafermy i “pustuyushchie” zemli: krupnye zemel'nye sdelki v Rossii [Investors, mega farm and “vacant” land: major land transactions in Russia]. *Zemel'naya akkumulyatsiya v nachale XXI veka* [Land accumulation at the beginning of the XXI century]. Pod red. A. M. Nikulina. Moscow: Izd. dom “Delo” RANHiGS, pp. 66–125.
- Wegren S. (2010) Russia's Food Policies and Foreign Policy. *Demokratizatsiya: the Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 18, no. 3, pp. 189–207.

© С. Барсукова, 2017